

Троцкий Лев Давидович

Пять лет Коминтерна

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Давидович Т.**
Пять лет Коминтерна / Троцкий Лев Давидович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 633 с.

ISBN 978-5-519-77477-2

ISBN 978-5-519-77477-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Пятилетие Коммунистического Интернационала делится третьим конгрессом на два периода. В течение первых двух лет Коминтерн еще полностью и целиком стоит под знаком империалистской войны. Революционные перспективы выводятся непосредственно из последствий войны. Считается почти само собой разумеющимся, что политическое возбуждение масс, порожденное социальными потрясениями войны, возрастая и обостряясь, непосредственно приведет к завоеванию власти пролетариатом. Эта оценка хода развития нашла свое выражение в манифестах первого и второго конгрессов, вошедших в состав настоящего тома. Принципиальная оценка послевоенной обстановки, данная в этих документах, сохраняет полностью свою силу и сегодня. Но темп развития оказался иной.

Война не привела непосредственно к победе пролетариата в Западной Европе. Сейчас уже слишком очевидно, чего не хватало для победы в девятнадцатом и двадцатом годах: не хватало революционной партии.

Молодые коммунистические партии сложились, да и то лишь вчерне, в тот момент, когда могущественное послевоенное брожение масс пошло уже на убыль. Мартовские события 1921 г. в Германии ярко вскрывают противоречие в положении и в политике Коммунистического Интернационала: коммунистические партии, или по крайней мере их левые фланги, рвутся на штурм, в то время, как многомиллионные пролетарские массы, после первых поражений, угрюмо разбираются в послевоенной обстановке и выжидательно присматриваются к коммунистическим партиям. К моменту третьего съезда Ленин констатирует это угрожающее расхождение между линией развития масс и тактической линией коммунистических партий и твердой рукой обеспечивает решающий поворот в политике Интернационала. Сейчас, когда мы отошли от третьего конгресса на достаточное расстояние, чтобы дать ему правильную ретроспективную оценку, можно сказать, что поворот третьего конгресса имел для Коммунистического Интернационала никак не меньшее

значение, чем брест-литовский поворот для Советской Республики. Если бы Интернационал автоматически шел по тому пути, одним из этапов которого были мартовские события в Германии, мы через год, через два имели бы разве лишь черепки коммунистических партий. С третьего конгресса начинается новый этап: партии отдают себе отчет в том, что они еще не владеют массами и что штурму должен предшествовать период более или менее длительной подготовки. Открывается полоса единого фронта, т.е. тактика сплочения масс на почве переходных требований. «Новому этапу» посвящены речи и статьи второй половины настоящего тома.

Этот второй период в развитии Коммунистического Интернационала, расширяя неизменно влияние всех главных секций его на рабочие массы, упирается в могущественный революционный прилив в Германии во второй половине 1923 г. Европа снова сотрясается страшными конвульсиями, в фокусе которых стоит Рур. Вопрос о власти снова встает в Германии во всей обнаженности и остроте. Но буржуазия устояла и на этот раз. В развитии Коммунистического Интернационала открывается третья глава. Определение ее основных политических особенностей и тактических задач составит предмет работ V международного конгресса.

* * *

Почему германская революция не привела к победе? Причины тому целиком в тактике, а не в объективных условиях. Мы имеем тут поистине классический пример упущенной революционной ситуации. С момента Рурской оккупации, а тем более с момента, когда обозначился провал пассивного сопротивления, необходим был со стороны коммунистической партии твердый и решительный курс на завоевание власти. Только мужественный поворот тактики мог объединить германский пролетариат в борьбе за власть. Если на третьем и отчасти на четвертом конгрессе мы говорили немецким товарищам: «массами вы можете овладеть только на почве руководящего участия в их борьбе за переходные требования»,—то к середине 1923 года вопрос стал иначе: повести германский пролетариат после всего, что он пережил за последние годы, в решающий бой можно было лишь в том случае, если бы он убедился, что на этот раз дело идет, как говорят немцы, *auf's Ganze* (т.е. не о частных задачах, а об основной), и что коммунистическая партия готова идти в бой и способна обеспечить победу. Но коммунистическая партия проделала этот поворот неуверенно и с чрезвычайным запозданием. И, правые, и левые, несмотря на острую борьбу друг с другом, до сентября—октября довольно фаталистически относились к процессу развития.

революции. В то время, как вся объективная обстановка требовала со стороны партии решающего удара, партия не организовала революцию, а дожидалась ее. «Революция не делается в срок»,—отвечали и правые, и левые, смешивая революцию в целом с определенным ее этапом, т.-е. с восстанием для захвата власти. Этому вопросу посвящена была моя статья «Можно ли революцию делать в срок» (см. в этом томе). Статья резюмирует бесконечные предшествовавшие ей разговоры и споры. Правда, в октябре месяце произошел в политике партии перелом. Но было уже поздно. Рабочие массы в течение 1923 г. сознавали или чувствовали, что подходит момент решающей борьбы. Они не видели, однако, необходимой решимости и уверенности в себе со стороны коммунистической партии. А когда эта последняя занялась лихорадочной подготовкой к восстанию, она сразу сбилась с ног и утратила связь с массами. Получилось то же самое, как если бы всадник, медленно подъезжавший к высокому барьеру, в последний момент судорожным движением вонзил в бока лошади шпоры. Прыгнув через барьер, лошадь вернее всего сломала бы себе ноги. На деле она остановилась перед препятствием, а затем метнулась в сторону. Такова механика тягчайшего поражения германской коммунистической партии и всего Интернационала в ноябре прошлого года.

Когда обозначился резкий перелом в соотношении сил, когда легализованные фашисты выдвинулись вперед, а коммунисты оказались загнанными в подполье, некоторые товарищи поторопились провозгласить: «мы переоценили положение, революция еще не созрела». Разумеется, нет ничего проще такого рода стратегии: сперва прозевать революцию, а затем объявить ее несозревшей. На самом же деле революция не привела к победе не потому, что она вообще «не созрела», а потому, что в решающий момент выпало из цепи решающее звено: руководство. Не в том «наша» ошибка, что «мы» переоценили условия революции, а в том, что «мы» недооценили их, не сумели своевременно понять необходимость крутого и смелого тактического поворота: от борьбы за массы—к борьбе за власть; в том наша ошибка, что «мы» в течение многих недель повторяли старые пошлости насчет того, что «революция не совершается в срок», и таким путем упустили все сроки.

Имела ли коммунистическая партия за собой большинство рабочих во второй половине прошлого года? Трудно сказать, каков был бы результат, если бы мы произвели на этот счет в свое время анкету. Такие вопросы не решаются анкетой. Они решаются динамикой движения. Несмотря на то, что очень значительное число рабочих осталось еще в рядах социал-демократии, лишь ничтожное меньшинство

их готово было занять враждебную, да и то скорее пассивно-враждебную позицию по отношению к перевороту. Большинство социал-демократических, как и беспартийных, рабочих остро ощущало гнетущую безвыходность буржуазно-демократического режима и ждало переворота. Их полное и окончательное доверие и сочувствие могло быть завоевано только в ходе переворота. Разговоры о страшной силе реакции, о многих сотнях тысяч черного рейхсвера и пр. оказались чудовищным преувеличением, в чем люди с революционным смыслом не сомневались с самого начала. Подлинную силу представлял лишь официальный рейхсвер. Но он был слишком малочислен и неизбежно оказался бы размыт напором миллионов.

На-ряду с массами, прочно завоеванными коммунистической партией, в месяцы кризиса к ней тяготели новые, более широкие массы, ждавшие от нее сигнала к бою и руководства в бою. После того, как они этого не получили, они стали так же стихийно отходить от коммунистов, как ранее стихийно приливали к ним. Этим и объясняется та резкая перемена в соотношении сил, которая позволила Секте почти без сопротивления овладеть полем политической борьбы. А фаталистически настроенные политики, наблюдая быстрые успехи Секта, провозгласили: «вы видите, пролетариат не хочет борьбы». На самом деле, германский пролетариат после опыта революционного пятилетия хотел не просто борьбы, а такой борьбы, которая могла бы дать наконец победу. Не найдя необходимого руководства, он уклонился от борьбы. Этим он показал только, что в память его крепко врезались уроки 1918 — 1921 г.г.

Германская коммунистическая партия довела до избирательных урн три миллиона шестьсот тысяч рабочих. Сколько она растеряла по пути? На этот вопрос ответить трудно. Но данные многих частных выборов, в ландтаги, муниципалитеты и пр., свидетельствуют о том, что коммунистическая партия приняла участие в последних выборах в рейхстаг уже чрезвычайно ослабленной. И при всем том она все еще собрала три миллиона шестьсот тысяч голосов! «Смотрите, — говорят нам, — германскую партию жестоко критикуют, а, между тем, она представляет собой огромную силу!». Но в том и суть, ведь, что три миллиона шестьсот тысяч голосов в мае 1924 г., т.е. после стихийного отлива масс, после упрочения буржуазного режима, свидетельствуют о том, что во второй половине прошлого года коммунистическая партия была решающей силой, но что, к несчастью, это не было своевременно понято и использовано. Кто и теперь не хочет себе уяснить, что поражение выросло непосредственно из недооценки, точнее, из несвоевременной оценки исключительной ре-

волюционной ситуации прошлого года, тот рискует ничему не научиться, а, стало быть, и вторично не признать революцию, когда она постучится в дверь.

* *

То обстоятельство, что германская коммунистическая партия радикально обновила свои руководящие органы — в порядке вещей. Партия вместе с рабочим классом ждала и хотела борьбы, надеялась на победу — и получила поражение без боя. Естественно, если она отвернулась от старого руководства. Сейчас лишь условное значение может иметь вопрос о том, справилось ли бы с задачей левое крыло, если бы оно было у власти в прошлом году. Откровенно говоря, мы думаем, что нет. Выше мы уже отметили, что, несмотря на острую фракционную борьбу, левое крыло в самом основном вопросе — о захвате власти — разделяло расплывчатую, полужфаталистическую, выжидательную политику тогдашнего центрального комитета. Но уже один тот факт, что левое крыло было в оппозиции, сделало его естественным преемником партийной власти после того, как партия отвернулась от старого центрального комитета. Сейчас руководство в руках левого крыла. Это есть новый факт в развитии германской партии. С этим фактом нужно считаться, от него исходить. Нужно сделать все, чтобы помочь новому руководящему органу партии справиться со своей задачей. А для этого нужно прежде всего ясно видеть опасности. Первая возможная опасность могла бы вырасти из недостаточно серьезного отношения к поражению прошлого года: ничего-де особенного не случилось, маленькая отсрочка, революционная ситуация вскоре повторится, мы по-прежнему идем на решающий штурм. Это неверно! Прошлогодний кризис означал для пролетариата колоссальный расход революционной энергии. Чтобы переработать трагическое поражение прошлого года, поражение без решающего боя, без попытки решающего боя, пролетариату нужно время. Ему нужно время, чтобы снова по-революционному ориентироваться в объективной обстановке. Это не значит, разумеется, что ему нужен долгий ряд лет. Но недель для этого недостаточно. И было бы величайшей опасностью, если бы стратегическая линия нашей германской партии пошла нетерпеливо наперерез тем процессам, которые происходят сейчас в немецком пролетариате, как результат прошлогоднего поражения.

Решает, как мы знаем, в последнем счете экономика. Те небольшие хозяйственные успехи, которых достигла за самые последние месяцы германская буржуазия, являются сами по себе неизбежным результатом ослабления революционного процесса, некоторого —

очень поверхностного и шаткого — упрочения буржуазного «порядка» и проч. Но до восстановления сколько-нибудь устойчивого капиталистического равновесия в Германии сейчас немногим ближе, чем было в июле — ноябре прошлого года. Во всяком случае, путь к этому равновесию пролегает через такие могущественные конфликты труда с капиталом и пересечен такими затруднениями со стороны Франции, что германскому пролетариату еще на неопределенно долгий период обеспечена революционная экономическая база. Однако те частные процессы, которые в этой базе происходят — временные обострения или, наоборот, смягчения кризиса и его производных явлений — ни в каком случае не являются для нас безразличными. Если сравнительно сытый и благополучный пролетариат всегда очень чуток даже и к небольшому ухудшению своего положения, то истрадавший, изголодавшийся, истощенный пролетариат Германии чуток даже и к самому слабому улучшению своих жизненных условий. Этим объясняется, несомненно, наблюдающееся сейчас очень, опять-таки, неустойчивое укрепление рядов германской социал-демократии и профсоюзной бюрократии. Внимательное наблюдение за изменениями торгово-промышленной конъюнктуры в Германии и ее отражениями на жизненном уровне немецкого рабочего сейчас для нас более обязательно, чем когда бы то ни было.

Решает экономика, но лишь в последнем счете. Более непосредственное значение имеют те политико-психологические процессы, которые происходят сейчас в германском пролетариате и которые также имеют свою внутреннюю логику. Партия собрала на выборах 3.600.000 голосов: великолепное пролетарское ядро! Но колеблющиеся отошли от нас. А между тем, непосредственная революционная ситуация характеризуется всегда тем, что колеблющиеся примыкают к нам. Многие и многие рабочие социал-демократы, надо полагать, во время выборов говорили себе: «Мы знаем прекрасно, что наши вожди — изрядные негодяи, но за кого же голосовать? Коммунисты обещали взять власть, но не сумели и только помогли реакции *). Не к националистам же идти?». И, с отвращением в сердце, они подавали голос за социал-демократов. Школа буржуазной реакции, надо надеяться, довольно скоро заставит германский пролетариат в подавляющем его большинстве усвоить себе революционную ориентировку, на этот раз более определенно и крепко. Нужно всемерно помогать этому процессу. Нужно ускорять его. Но никак нельзя

*) Это наиболее выигрышный довод социал-демократических проходивцев и пошляков.

перескочить через его неизбежные этапы. Представлять себе дело так, будто ничего особенного не случилось, будто произошла лишь некоторая заминка и пр., было бы в корне неправильно и грозило бы величайшими ошибками стратегического порядка. То, что случилось — не поверхностная заминка, а огромное поражение. Смысл его должен быть усвоен авангардом пролетариата. Опираясь на этот урок, авангард должен ускорить процесс группировки пролетарских сил вокруг 3.600.000. Революционный прилив, затем отлив, и новый прилив — эти процессы имеют свою внутреннюю логику и свой темп. Революции не только разворачиваются, — говорили мы, — революции организуются. Но организовать революцию можно только на основе ее внутреннего развития. Игнорировать критические, выжидательные и скептические настроения в широких кругах пролетариата после того, что произошло, значило бы идти навстречу новому поражению. Самая лучшая революционная партия не может по произволу вызывать новую революцию на второй день после поражения, как самый лучший акушер не может вызывать роды каждые три или каждые пять месяцев. То, что прошлогодние революционные роды оказались ложными, не меняет дела. Немецкому пролетариату нужно пройти через стадию восстановления и собирания сил для новой революционной кульминации, прежде чем коммунистическая партия, оценив обстановку, сможет дать сигнал к новому штурму. А с другой стороны, мы знаем, что не меньшая опасность грозила бы, если бы на новом повороте коммунистическая партия опять не узнала революционной ситуации и тем самым снова оказалась бы бессильной использовать ее до конца.

Два величайших урока отмечают историю германской коммунистической партии: март 1921 года и ноябрь 1923 года. В первом случае партия приняла собственное нетерпение за созревшую революционную ситуацию; во втором случае она не узнала созревшей революционной ситуации и упустила ее. Это те предельные опасности «слева» и «справа», меж которых вообще проходит политика пролетарской партии в нашу эпоху. Будем твердо надеяться, что богатой боями, поражениями и опытом немецкой коммунистической партии удастся в не столь отдаленном будущем провести свой корабль между «мартовской» Сциллой и «ноябрьской» Харибдой и обеспечить германскому пролетариату то, что он честно заслужил: победу!

* * *

Б то время, как в самой Германии последние парламентские выборы, под влиянием опасности прошлого года, дают новый толчок буржуазной концентрации направо, — однако в рамках парламен-

таризма, а не фашистской диктатуры,—в остальной Европе и в Америке передвижка правящих политических группировок идет в сторону «соглашательства». В Англии и в Дании буржуазия правит через посредство партий Второго Интернационала. Победа левого блока во Франции означает прямое или чуть-чуть замаскированное (вернее всего — прямое) приобщение социалистов к власти. Итальянский фашизм становится на путь парламентского «упорядочения» своей политики. В Соединенных Штатах Северной Америки соглашательские иллюзии мобилизуются под знаком «Третьей Партии». В Японии победили на выборах партии оппозиции.

Когда корабль теряет рулевое управление, приходится иногда давать по очереди ход то правой, то левой машине: корабль движется зигзагами, расходуя большое количество энергии, но все же движется. Таково сейчас управление капиталистических государств Европы. Буржуазия вынуждена чередовать фашистские методы с социал-демократическими. Фашизм сильнее всего был и остается в тех странах, где пролетариат близко подходил к власти, но не сумел ее взять или удержать: в Италии, Германии, Венгрии и пр. Наоборот, соглашательские тенденции получают преобладание по мере того, как буржуазия начинает менее непосредственно ощущать угрозу пролетарского переворота. Если буржуазия чувствует себя достаточно сильной, чтобы не нуждаться в непосредственной работе фашистских банд, то, с другой стороны, она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы обходиться без меньшевистского прикрытия.

В эпоху четвертого конгресса Коминтерна, прошедшего целиком под знаком наступления капитала и фашистской реакции, мы писали, что если германская революция не вырастет непосредственно из создавшейся в тот момент обстановки и не даст тем самым нового направления всему политическому развитию Европы, то можно с полной уверенностью ожидать смены фашистской главы главой соглашательской, в частности, пришествия в Англии к власти рабочего правительства, а во Франции — левого блока. Тогда это предвидение казалось кое-кому сеянием ... соглашательских иллюзий: есть люди, которым удастся быть революционными, только зажмурив глаза.

Приведем, однако, точные цитаты. В статье «Политические перспективы», напечатанной в «Известиях» 30 ноября 1922 года, я полемизировал против упрощенного, не-марксистского, механического взгляда на политическое развитие, которое будто бы должно фатально, через автоматическое усиление фашизма и коммунизма, привести к победе пролетариата. В этой статье говорится: «Еще 16-го

июня прошлого (1921) года, в своей речи на заседании расширенного Исполкома и развивал ту мысль, что, если революционные события в Европе и во Франции не наступят раньше, то вся парламентски-политическая жизнь Франции начнет неизбежно кристаллизаться по оси «левого блока», в противовес ныне господствующему «национальному». Революция за эти полтора года не наступила. И вряд ли тот, кто следит за жизнью Франции, станет отрицать, что — за вычетом коммунистов и революционных синдикалистов — политика ее, действительно, идет по пути подготовки смены национального блока левым. Правда, Франция стоит целиком под знаком наступления капитала, непрерывных угроз по адресу Германии и пр. Но параллельно с этим нарастают растерянность буржуазных классов, особенно промежуточных, их страх за завтрашний день, их разочарование в политике «репараций», их стремление смягчить финансовый кризис сокращением расходов на империализм, их надежды на возобновление сношений с Россией и пр., и пр. Эти настроения захватывают и значительную часть рабочего класса через посредство реформистских социалистов и синдикалистов. Таким образом продолжающееся наступление французского капитала и французской реакции несколько не противоречит тому, что французская буржуазия явно подготавливает для себя новую ориентировку».

И дальше в той же статье мы писали:

«В Англии положение не менее поучительно. Господство либерально-консервативной коалиции сменилось в результате недавних выборов господством чисто-консервативным. Явный шаг «направо»? Но, с другой стороны, как раз цифры последних выборов свидетельствуют о том, что буржуазно-соглашательская Англия уже вполне подготовила для себя новую ориентацию на случай дальнейшего обострения противоречий и нарастания трудностей (а то и другое неизбежно)... Имеются ли серьезные основания думать, что нынешний консервативный режим приведет в Англии непосредственно к диктатуре пролетариата? Мы таких оснований не видим. Наоборот, мы полагаем, что безвыходные экономические, колониальные и международные противоречия нынешней Великобританской империи будут давать большую пищу плебейско-мещанской оппозиции в лице так-называемой рабочей партии. Все говорит за то, что в Англии больше, чем в какой-либо другой стране земного шара, рабочий класс, прежде чем перейти к диктатуре, должен будет пройти через стадию «рабочего» правительства в лице реформистско-пацифистской рабочей партии, собравшей уже на последних выборах около 4 с четвертью миллионов голосов».

— Значит, вы стоите на точке зрения смягчения политических противоречий? Но ведь это же явный оппортунизм! — возражали те товарищи, которые способны охранить себя от оппортунистических искушений, только повернувшись к ним спиной. Как будто предвидеть новый временный подъем соглашательских иллюзий, значит в какой бы то ни было степени разделять их! Конечно, гораздо проще ничего не предвидеть, ограничиваясь повторением сакраментальных формул. Но сейчас уж нет надобности продолжать спор. События дали проверку прогноза: мы имеем правительство Макдональда в Англии, министерство Стаунинга — в Дании, победу левого блока — во Франции, партий оппозиции — в Японии, а на политическом горизонте Соединенных Штатов вырисовывается символическая фигура Лафолета, правда, достаточно-таки безнадежная.

Выборы во Франции дали безапелляционную проверку еще одному спору: относительно влияния французской социалистической партии. Как известно, эта «партия» почти не имеет организации. Ее официальная пресса крайне жалка и почти никем не читается. Исходя из этих бесспорных фактов, некоторые товарищи склонны были оценивать социалистическую партию, как ничтожную величину. Этот утешительный, но ложный взгляд нашел случайное отражение даже в некоторых официальных документах Коминтерна. На самом деле, в корне неправильно оценивать политическое влияние французских социалистов на основании их организации или распространенности их печати. Социалистическая партия представляет собою аппарат для привлечения рабочих в лагерь «радикальной» буржуазии. У более отсталых или более привилегированных элементов рабочего класса нет потребности ни в организации, ни в партийной печати. Они не входят ни в партию, ни в синдикаты, голосуют за социалистов и читают бульварную газету. Соотношение между числом членов партии, числом абонентов партийной печати и числом парламентских избирателей у социалистов совсем не то, что у коммунистов. Об этом нам приходилось высказываться не раз. Приведем опять-таки точные цитаты. Еще 2 марта 1922 г. мы писали в «Правде»:

«Если принять во внимание, что коммунистическая партия насчитывает 130.000 членов, а социалисты—30.000, то огромные успехи коммунистической идеи во Франции станут очевидными. Однако, если принять во внимание отношение этих чисел к численности рабочего класса в целом, наличность реформистских профессиональных союзов и анти-коммунистических тенденций в революционных союзах, то вопрос о гегемонии коммунистической партии в рабочем движении предстанет перед нами, как очень трудная за-